

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Игорь
Масленников

*Бейкер-стрит
на Петроградской*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
МЗ1

Дизайн серии *Андрея Фереца*

В оформлении обложки использованы фотоматериалы
к к/ф «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»,
Киностудия «Ленфильм».

В оформлении издания использованы фотографии из личного
архива автора, а также фотоматериалы, предоставленные
ФГУП МИА «Россия сегодня»

Масленников, Игорь Федорович

МЗ1 Бейкер-стрит на Петроградской / Игорь Фе-
дорович Масленников. — Москва: Издательство
АСТ, 2026. — 320 с.: ил. — (Из века в век).

ISBN 978-5-17-167704-6

Как снимался знаменитый советский телесериал про Шерлока Холмса и как он попал на Запад в эпоху «железного занавеса»? Какие актеры должны были сниматься в главных ролях в «Зимней вишне» и почему вместо них играли другие? Ответы на эти вопросы вы найдете в книге Игоря Масленникова — известного режиссера и телеведущего. В ней подробно описаны перипетии его жизни начиная с детства, прошедшего на военное время, и юности, проведенной в стенах Ленинградского университета, где будущий режиссер учился на филологическом факультете, в редакции молодежной газеты, а затем за кулисами театра, и заканчивая зрелыми годами, когда к автору приходят признание и слава. Работа на театральных подмостках и съемочной площадке, кастинги, заграничные поездки и взаимоотношения с коллегами по цеху — рассказы об этом позволят вам узнать удивительный мир театра и кино изнутри.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-167704-6

© Масленников И.Ф., 2026
© ООО Издательство АСТ, 2026

Масленников на Бейкер-стрит и в других своих садах

«Всю жизнь я плыл по течению без руля и ветрил, не прилагая никаких усилий. Ничего не планировал, двигался туда, где мне казалось интересней. И то, что получилось, получалось само собой...» — таким признанием Игорь Федорович Масленников заканчивает свою книгу.

Конечно, в судьбе любого человека случай, игра обстоятельств играют отведённую им роль, но, возводя понятие «само собой» как бы в некий абсолют своей биографии, Масленников вольно или невольно лукавит. И кстати, «двигаться туда, где... интересней» — уже не совсем то же, что «плыть по течению».

Плывущий по течению — это, как правило, равнодушный человек, вялый сторонний наблюдатель. Но всё рассказанное Масленниковым в его книге опровергает такую характеристику.

Мне незачем скрывать (об этом и в книге много сказано), что мы знакомы с Игорем очень давно и по жизни, и по работе. И Масленников был для меня всегда завидным примером активного любопытства к жизни, примером постоянной и бурной деятельности. Филолог, журналист, один из организаторов Ленинградского телевидения, телеведущий двух популярнейших программ о кино, театральный художник, руководитель

Телевизионного, а затем Третьего творческого объединения «Ленфильма», преобразованного ещё в первые годы Перестройки в студию «Троицкий мост»... Общественный деятель — парторг «Ленфильма», депутат Ленсовета, председатель Союза кинематографистов РФ, первый секретарь того же Союза. Член жюри множества фестивалей. Педагог, профессор ВГИКа...

Муж, отец своих детей, дед своих внуков, прадед своей правнучки, автомобилист с самой зари автолюбительства, охотник за груздями и рыжиками, домашний мастер на все руки...

Неслабый перечень для «плывающего без руля и ветрил»!

И наконец, он — Режиссёр, всегда находящийся в работе. Или занятый поиском новых идей. (Кстати, проходящее почти что лейтмотивом в его книге «кладбище неосуществленных замыслов» — тому яркое, хотя и грустное подтверждение.)

Маслеников делит режиссёров на «архитекторов» и «садовников», относя себя к последним.

Это правда, в его работах менее всего присутствует расчёт, их движет более всего любовь к героям (а в их лице — и к артистам), — так, вероятно, без любви не опыляются цветы, не прививаются саженцы, не вырастает сад.

И в чём, безусловно, нужно согласиться с автором — что, «растя свои фильмы, как хрупкое деревце» (его выражение), он растит их не ради самого процесса, не ради тщеславия или каких-то формальных поисков, он растит свои сады для того, чтобы в них пришли люди.

Он всегда делал «зрительское» кино — в лучшем и почти забытом значении этого слова, преобразившись ныне в неаппетитное слово «коммерческое».

Однако, как бы ни менялись термины, как бы ни менялся киноязык, Масленников по сути ни разу не изменил тому доброму старому кино, которое, по словам талантливого и рано ушедшего от нас Сережи Добротворского, «...учило не читать чужих писем и не стрелять в белых лебедей, отдавать деньги за краденые автомобили нуждающимся детям или тому, что только у дятла не болит голова о чужой беде». Добавлю: понимать женщин, сочувствовать их нелёгкой женской доле.

Оттого так и популярны — без рекламных раскруток, без заказных статей (и вопреки разгромным), без покровительства сильных кинематографического мира сего — его лучшие фильмы. Впрочем, сам Масленников не делит свои фильмы на лучшие и худшие, он говорил мне как-то (и я это тоже взял на вооружение), что фильмы как дети — а разве мы делим своих детей на плохих и хороших только потому, что одни хромёнькие и некрасивые, а другие красавцы-здоровяки?

В детях отражаемся мы — со своими достоинствами и с недостатками. И поэтому так увлекательна творческая кухня этих самых разных фильмов — от прославленного «Шерлока Холмса», до забытого «Продления рода», — в которую нас вводит автор в своей книге. Как имеющий отношение ко многим из этих кухонь, я подтверждаю: здесь никакой беллетристики, ничего против истины не убавлено, не прибавлено.

Полнокровная жизнь человека, любопытного к жизни, сводила Масленникова с множеством людей, от легендарных до самых незаметных, носила его по городам и весям земного шара, и эти встречи, эти путевые впечатления рассказаны автором ярко, с талантом, присутствующим литератору.

Иные мемуары приводят в уныние: авторы их слишком увлечены фактами своей биографии, совершенно забывая, что факты сии интересны одним им. Такого самолюбования книга Масленникова лишена начисто: его биография — это одновременно и биография времени, а точнее, времён, в которых он жил и которые его так или иначе формировали. Автор книги не стремится, а как бы даже опасается возвыситься над читателем; беседуя с ним на равных, он предельно искренен — и потому читатель, я уверен, тоже будет искренне радоваться вместе с автором его успехам и огорчаться его неудачами. Сопереживать его «покаяниям». Смеяться над тем, что действительно смешно.

В книге нет общих мест — она, в отличие от иных мемуаров, насыщена информацией, динамична. Она легка для читательского восприятия: короткие главы, неутомительные по длине абзацы, частое вплетение диалогов, писем, документов, анекдотов и даже стихов — не украшения ради, а всегда к месту и по делу.

За литературой чётко виден мастер монтажа, кинематографист. Поэтому так много места в книге уделено товарищам Масленникова по кинематографическому делу: его операторам, композиторам, художникам, звукооператорам, редакторам. Уже сложившимся и прославленным ученикам и сегодняшним студентам. Любимым артистам.

И даже для сценаристов, которые, в силу незаметности своей профессии, обычно проходят в мемуарах незаметными тенями, у Масленникова нашлись тёплые и справедливые слова, которые мне особенно приятны — настолько, что не откажу себе в удовольствии процитировать: «Загадочно бескорыстие этого племени. Подумайте сами — корпеть над собственным замыслом, любовно его реализовывать, выписывать

характеры, придумывать сюжетные ходы и коллизии, на внутреннем экране своего воображения видеть этот сочинённый тобой мир, слышать диалоги, страдать за героев и... в один роковой момент твоё детище оказывается в руках «реализатора», как называют режиссёров французы, который бесцеремонно начинает вторгаться в хрупкий мир, сочинённый трепетной рукой. Остаётся только гонорар...»

Если бы Игорь Федорович не задумал сам написать свою книгу, его следовало бы уговорить, уломать, заставить сделать это. Потому что ему есть что рассказать с присущим ему живым талантом повествователя — и, следовательно, читателю есть чем увлечься.

И с удовольствием дочитать книгу до конца, как сделал это я, почти всё из рассказанного знавший и ранее.

P.S.

Недавно у меня был разговор с Игорем: он колебался, набирать ли ему очередной режиссёрский курс во ВГИКе. Я советовал воздержаться: дело это отнимает много времени и душевных сил, а он — ещё действующий, снимающий режиссёр, стоит ли так разрываться в наши неюные годы? Он как-то грустно со мной согласился.

На днях я узнал, что, выкраивая время между съёмками, мотаясь из Петербурга в Москву, Масленников курс всё-таки набирает. «Знаешь, — сказал он, — они, конечно, неучи и олухи, но всё равно такие занятные человечки!..»

Владимир Валуцкий

*Моим родным и любимым Инне, Никите,
Ане, Маше, еще одной Маше, Наташе
и Кате посвящаю эту книгу.*

*Автор выражает благодарность
за активное литературное участие
в создании этой книги режиссеру
и публицисту из Киева
Олексию-Нестору НАУМЕНКО*

О чём тут говорить?

*Баскервильские собаки желают
познакомиться. — Спасибо пиратам
из Западного Берлина. — Маргарет
Тэтчер отвечает за всю Англию. —
Заговор молчания.*

Звонок из Лондона:

— Мистер Масленников?

— Да...

— Игорь?

— Игорь...

— Вас беспокоит The Dartmoor Sherlock Holmes Society «THE BASKERVILLE HOUNDS»... Наш президент Филипп Веллер просил узнать у вас, желаете ли вы с нами встретиться и когда у вас будет для этого время... Меня зовут Таня... Запишите, пожалуйста, мои лондонские телефоны.

— Простите, но я ничего не понял.

— Дартмурское общество Шерлока Холмса «Баскервильские собаки» любит ваши фильмы и желает с вами познакомиться... Мы готовы приехать в Петербург.

И вот сентябрьским вечером 2003 года я еду в Стрельну, что под Петербургом, где в отеле «Балтийская звезда» рядом с только что отреставрированным Константиновским дворцом меня ждёт русскоговорящая англичанка Таня Иверт и кто-то из «баскервильских собак».

Кто-то! Их было восемнадцать человек — немцы, французы, японцы и, конечно, англичане во главе с солидным «эсквайром» — президентом общества мистером Филиппом Веллером. Общество это насчитывает семнадцать отделений по всему миру.

Обмен подарками.

Они мне — огромную бутылку виски и грамоту, где я объявляюсь почётным членом «Баскервильских собак».

Я им — комплект DVD с нашими фильмами.

Итог беседы:

— Откуда вы так хорошо знаете наши фильмы о Шерлоке Холмсе?

— У нас имеется полный комплект...

— Но на Западе они не продавались! Наши телевизионные стандарты метражей в то время не соответствовали...

— Ваши фильмы были показаны по всем каналам стран Восточной Европы, и ГДР в том числе.

— Да, были показаны...

— Западный Берлин смотрел телевидение ГДР...

— Ну и...

— Не только смотрел, но и записывал.

Таким пиратским образом капиталистический мир узнал о нашем «Холмсе».

А я-то думал, что только «Собаку Баскервилей» удалось показать по крупнейшему британскому телеканалу Би-би-си: для этого показа я сократил каждую из двух серий, чтобы они соответствовали европейскому телестандарту, до 52 минут. Спустя некоторое время газета «Daily Mail» написала о том, что Маргарет Тэтчер назвала русского Холмса лучшим в мире.

Так родилась легенда, что все англичане признали нашего Холмса.

Сколько я могу судить по количеству писем, которые до сих пор получаю, в России растёт и множится армия поклонников нашего «Холмса». Они объединяются в фан-клубы, создают специальные сайты. Не говоря уж о тиражах кассет и дисков, которые неизменно распродаются и вновь выпускаются, о частоте регулярных показов по всем центральным, региональным каналам и кабельным сетям — всем известно, что телевизионщики без особых рейтинговых резонов не решаются на столь частые повторы. Да что говорить, ведь «Холмс» единственный фильм, который наряду с «Чапаевым» и «Штирлицем» прочно вошёл в анекдоты. И однако же ни в те годы, когда выходили телепремьеры, ни в последующее время неувядающей народной любви я не прочитал ни одной серьёзной рецензии на череду наших фильмов о Шерлоке Холмсе.

Я задал вопрос одному из близких мне киноведов-кинокритиков:

— Чем вызван этот заговор молчания? Ведь все вы рассыпаетесь в комплиментах, рады смотреть вновь и вновь наши серии...

— Старик, — ответил он, — о чём тут говорить?..

Именно поэтому я сел за компьютер и решил рассказать вам о той цепи случайностей, которая привела меня сначала в кинематограф, а потом и к этой книге.

Детство и отрочество

Моя старшая сестра. — Это стучит твоё сердце. — У Меркурьевых на Чайковского, 33, и у Глеба Семёнова в Аничковом дворце. — Челябинская баранка и кулёк сахарного песку. — Я читаю Диккенса. — Яшку Кипринского переплюнуть трудно.

...Лев Толстой писал, что помнит себя в момент рождения, помнит то теплое чувство, когда его, новорожденного, купали в отваре из овсяных отрубей, помнит их запах.

Я не Лев Толстой, и мое первое воспоминание не такое раннее.

Из глубины памяти медленно, как фотоотпечаток, проявляется неприятное чувство, граничащее с отчаянием и даже злобой, испытанное в младенчестве: меня — еще лишённого дара речи, примерно пятимесячного, тискает двоюродная сестра Ирина. Она на двенадцать лет старше и обращается со мной, как с живой куклой.

Это память?

Или это всего лишь старая фотография из семейного альбома, где Ирина действительно запечатлена в «бабушкином» кресле, обитом медово-зеленым бархатом, и на руках у этой девочки-подростка действительно вертится пухлый мальчишка в капоре, то есть я. К слову, кресло это и поныне живо. Пройдя через

годы, города, огонь и бомбежки, доживает оно свои тихие стариковские дни в купленной за недорого избе на Валдае.

Засыпая в кровати с веревочными сетками по бокам, я зажмуривал глаза и слышал, как во дворе плетеными колотушками выбивают ковры и половики — стук, стук, стук...

Кто бы мог стучать в такую пору?

— Это стучит твоё сердце, — говорила мама.

Оно и сейчас, неумолимое, стучит и напоминает мне, стоит зажмуриться, самые ранние детские годы.

Чем отдалённое мелочи, лица, запахи, игрушки, чашки, книжки, клички дружков, имена-отчества учителей, планировки квартир, где я жил, география улиц, по которым я ходил с портфелем в многочисленные (каждый год войны — новая) школы, тем материальнее, осязательнее рисуются видения.

Вот, например, свинцово-тяжелое, весомое ощущение от ордена Ленина — эмаль, какая свежая эмаль! Я ощупываю орден на пиджаке прославленного моряка с диковинной по тем временам прямой и тяжелой трубкой в зубах. Мы на сочинской набережной рядом с санаторием «Ривьера», от которого в наши нынешние времена остались словно после атомной войны бетонные клетки, купленные зачем-то миллионером Брынцаловым. А тогда... Капитан какого-то ранга среди магнолий (кажется, его фамилия была Бурмистров) — веселый, шумный мамин ухажер. А ведь рядом папа — робкий, беспартийный инженер Ижорского завода. 1938 год...

Стало быть, мне было семь лет, но я на всю жизнь запомнил эту тревожную атмосферу вокруг смеющейся мамы.